

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

СЕКРЕТНЫЕ
ПОРУЧЕНИЯ-2

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление — *Анастасия Орлова*

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Секретные поручения — 2 : [роман] / Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 608 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-183636-8

Следователь прокуратуры Петровский убивает бандита Курлова. И сам же вынужден расследовать это дело. Но ситуация осложняется тем, что и Петровский, и Курлов когда-то вместе работали в проводимой ФСБ программе «Чистые руки»; в прокуратуре знают, что Петровский — внедренный к ним офицер ФСБ и любая оплошность Петровского может стать для него роковой... Вдобавок, расследуя обычное бытовое убийство, он выходит на шпионскую сеть, пытающуюся добыть секрет новейшего оружия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-183636-8 © Корецкий Д.А., 2006
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Пролог

Телевидение, наверное, враждебно народу. Оно нарушает неприкосновенность жилища, врывается в квартиры, отключает кинофильм или концерт Петросяна, беспардонно увеличивает громкость и пугает стариков инфарктами и инсультами, а сорокалетних мужиков — импотенцией, перебивает аппетит мирно ужинающим людям, тыча им в лицо пораженные грибком ноги, впитывающие дермоподгузники и отвратительного червяка из канализационной трубы... А потом оно насилует зрителей в мозги всякими таинственными историями, которые, как правило, высосаны из пальца, но всегда собирают большую аудиторию и дают высокий рейтинг, ради которого, собственно, все перечисленное и делается, ибо рейтинг определяет доходы от рекламы, а наш народ любит всевозможные чудеса.

*Телевизионная передача «Тайные силы» (фрагмент),
эфир 25.11.2005 г.*

Ведущий: ...Итак, 2 сентября 2001 года, ночь, 2 часа 45 минут. Рейс 2214 Баку — Москва со ста сорока пассажирами на борту находился в это время над Тиходонском на высоте десять тысяч метров. Именно тогда вы, командир экипажа, приняли решение сойти с курса. Чем это было вызвано?

Анатолий Тиунов: Штурман Зименко заметил яркое световое пятно в направлении север-север-запад. Пятно при-

ближалось к нам с очень высокой скоростью. В первые секунды была мысль о столкновении.

В: Столкновении — с чем? Это было НЛО?

АТ: Не знаю. Это не было ни на что похоже. Объект нырнул под нашу машину и потом словно завис в километре-полутора по правому борту. Дистанция «горячая». Я отдал приказ об изменении курса.

В: И все-таки: что это было? Что вы видели?

АТ: Сначала пятно. Когда оно приблизилось, это стало похоже на конус из яркого белого света. Он будто падал из-под абажура лампы. Только абажура не было видно. Потом он на наших глазах развернулся градусов на 40 и вытянулся, растянулся так... И тут его свет попал на облако и как бы рассеялся, стало светло, как днем. Ненадолго, несколько секунд всего. Между мной и стеклом «фонаря» сидел радист Паша Рысаковский, я очень запомнил его лицо тогда.

В: Наземная диспетчерская служба наблюдала что-нибудь?

АТ: Нет. Они ничего не сказали.

В: А пассажиры?

АТ: Думаю, пассажиры спали. Иначе не знаю, что началось бы, паника страшная.

В: Объект выглядел как-то угрожающе?

АТ: Скорее, он поражал воображение. Все же слышали о петрозаводской аномалии, о тарелке в Розуэлле, о многих таких вещах. А тут вот оно, рядом, огромное, сверкает.

В: Как долго это все продолжалось?

АТ: Ровно в три ночи я отдал приказ Рысаковскому, чтобы связался с диспетчером в Тиходонске. Когда нам ответили оттуда, ничего уже не было, никакого конуса. В 3.05 мы легли на прежний курс.

В: Анатолий Ефимович, вам известно что-нибудь об экипаже Вадима Келлера, который в эту же ночь выполнял рейс 2488 Адлер—Санкт-Петербург?

АТ: Да, конечно. Они тоже видели конус, Келлер даже приказал сфотографировать объект...

В: *А через полгода его второй пилот умер от инфаркта. К этому времени сам Келлер погиб в автомобильной катастрофе, а штурман Вячеслав Тельников стал инвалидом по зрению — множественный ожог сетчатки глаз. Он единственный из пяти членов экипажа Келлера, кто остался жив до этого времени. И он сегодня находится в нашей студии. Добро пожаловать, Вячеслав Сергеевич!..*

Глава первая

Петровский против Петровского

— Я ничего не могла с ним сделать,— говорила Валерия.— Он же здоровый, как... как...

— Шкаф,— подсказал Денис.

Его знобило, руки дрожали, перед глазами все плыло, лицо девушки то надвигалось, как при выдвинутом трансфокаторе, то расплывалось, как будто объектив заливала вода. Неудачная съемка. Или техническая ошибка, или новомодные режиссерские штучки. Спецэффекты. Это кино. Конечно, кино! Не мог же он в реальной жизни только что застрелить человека!

— Ты не веришь мне!

— Верю, крошка. Очень верю. Я вообще доверчивый человек!

— Не называй меня крошкой!

Они сидели друг против друга. Между ними — полуметровая дистанция кухонного стола, два фужера и бутылка сухого вина. Денис купил это вино в магазинчике на соседней улице. Он помнил цепкие внимательные глаза продавщицы: а это что еще за гусь? Есть «крепяк», белая,— а он берет сухое? Наверняка «сфотографировала». Как следователь, он хорошо знал, что свидетели запоминают то, что отклоняется от привычных стереотипов. Надо было взять «Столичную», и тогда в памяти неряшливой, неопределенного возраста бабы ничего бы не отразилось. Только уже

поздно. Самое удивительное, что марку вина Денис забыл. Он взял бутылку, развернул ее этикеткой к себе и прочел: «Мерло». Мерло. Что-то это слово ему напоминает.

— Перестань вертеть фужер, — бросил он раздраженно.

Валерия посмотрела на него и отставила фужер в сторону.

— В чем я виновата? — сказала она. Красные глаза. Следы слез. В другой раз он бы ее пожалел. Но не сейчас. Сейчас он вообще не был способен кого-либо жалеть. Даже себя.

— Пей давай, — сказал он. — Пей, крошка.

Он залпом осушил свой фужер. Вода, кислятина. Нет, надо было брать «Столичную». Хотя хороший мальчик из интеллигентной семьи не привык к водке. Да и нет уже того хорошего мальчика — весь вышел...

— Он меня бил, а потом повалил и зажал руки... Одной рукой две мои... — повторила она тихо.

«Мерло», — подумал Денис. Кислая водичка не принесла ни тепла, ни успокоения, скорее наоборот. Дрожь из пальцев перетекла в колени и поднялась выше. Перед глазами беспрерывно мелькало: Первомайский парк, выстрелы, громадная фигура Курлова, рухнувшая на землю, как фанерный щит в тире. Сколько раз он выстрелил — четыре? Нет, кажется пять. «Мурло»...

— Почему ты мне сама ничего не сказала?

Она неопределенно пожала плечами.

— Да как-то... Ты не спрашивал толком...

— Врешь.

Она открыла рот, чтобы возразить.

— Нет, врешь, — перебил ее Денис. — И тогда соврала. Ударил... *Больше ничего не было.* Твои слова. Я запомнил. Потому что не просто так спрашивал. Я боялся потерять тебя.

Голос дрогнул, в глазах защипало. Хотелось заплакать.

Ответ прозвучал, как пощечина:

— Ты мне тоже врал, Денис.

Удивительно красивое у нее лицо. Серебристые с голубой поволокой глаза, будто кто-то бросил монетку в море.

Тонкие черты, породистый носик, полные губы, очерченные мягкой и совершенной линией, сводящей с ума. Губы раздвигаются и смыкаются, вытягиваются трубочкой, оттуда вылетают слова. И от этих слов тоже с ума сойти можно.

— ...Он все рассказал. Что ты используешь женщин для каких-то идиотских государственных шашней, что ты альфонс на службе у Конторы... Я не могла поверить... И про какую-то Тоньку, которую водил по ресторанам и спал с нею, а сам строчил подробные рапорты на нее, а сейчас она гниет на Лубянке... Дикость какая... И что я тоже понадобилась тебе для каких-то целей... и обо мне ты тоже пишешь в рапортах... как там?.. «предпочитает классическую позу, оргазм на уровне среднего, представляет для государства умеренный интерес»... Или более подробно?..

Он вдруг почувствовал, что сейчас ударит ее. Не так, как бьют женщин в кино, — пощечина, вскрик, немая сцена. Нет, по-настоящему. Прямой в лицо. В солнечное сплетение, чтобы вывести из строя на как можно более длительное время, чтобы не слышать. Или...

Нет.

Стоп.

Денис налил себе еще и выпил. Валерия продолжала говорить, ее рот шевелился. Он все это уже слышал, слышал. Ее слова как это кислое мурло, можно хоть цистерну опрокинуть, толку никакого.

— У тебя водки нет случайно? — спросил Денис.

Она замерла на полуслове с открытым ртом.

— Ну что смотришь? Обычная водка. Не «Чивас Ригал», не «Кьянти». Русская водка. Есть?

Валерия порывисто встала, он подумал: вот, сейчас психанет и убежит плакать. Но вместо этого она обошла стол и села к нему на колени.

— Денис, не надо так, пожалуйста. Ну хочешь...

— Не хочу, — мотнул головой Денис.

Валерия обхватила его шею, вцепилась изо всех сил.

— Хочешь, все у нас будет по-новому, все опять... Поставим жирный крест, вот такой жирный, ладно? Ну давай

предположим хотя бы. Предположим, мы с тобой даже не знакомы. Мы только что встретились. Вот ты, вот я. Хочешь познакомиться? Ну?

— Думаю, я — вряд ли... — начал Денис, но она перебила его:

— Нет, неправильно. Не так говоришь. Ты сейчас должен спросить, как меня зовут. Ну давай. Спрашивай.

Ее взгляд лихорадочно блуждал по его лицу.

— Я знаю, как тебя зовут, — произнес он медленно. — Знаю. И в этом вся проблема. Дай водки лучше.

Она замолчала. Встала, прошла к холодильнику. Звякнуло стекло.

— Вот.

На столе появилась бутылка «Столичной». Отлично. Хватит пить «сухарь», лейтенант Петровский, хватит строить из себя интеллигентного мальчика. Пришла пора глушить водку. Мальчик кончился полтора часа назад. Или два — неважно. Когда убил подлюгу Курлова.

Валерия открыла дверцу навесного шкафчика, чтобы достать рюмку. В прорези халата Денис видел ее грудь. Красивая грудь. С левой стороны синяк, отпечаток курловской лапы — его не видно отсюда, но Денис знал, что он там есть. Курлов — мурло. Но теперь он мертвее любого мурла. Он получил свое, чего беспокоиться? Действительно, можно начать все сначала... Можно?

И тут Дениса осенило.

— А ведь это он пил, гад!..

— Что?

Он схватил в руки «Столичную», крутанул винтовую крышку. Бутылка была наполовину пуста. Из нее уже пили. Значит, Курлов сперва опрокинул в себя стакан, а потом схватил ее и поволок в...

— Погоди, ты о чем, Денис?

Или нет. Курлов выпил, а потом дал и ей выпить — «за любовь и дружбу, девочка» — и она пила, они вместе пили, а потом пошли в спальню. Вот как оно было. Денис прикрыл глаза. В сердце медленно поворачивалось холодное лезвие. А может, никуда и не ходили, а прямо на месте...

Он размахнулся, чтобы швырнуть бутылку в стену, где висели какие-то половнички, лопаточки, кухонные ножи, а над ними стопки тарелок... Но в последний момент остановился. Отставил в сторону рюмку, налил полный, до краев, фужер «Столичной». И ей такой же.

— Пей,— сказал Денис.

Он рывком опять усадил ее к себе на колени, сунул в руки фужер. На халате расплылось темное пятно от пролитой водки.

— Сидеть! — прикрикнул он.— Пей, давай!

Ошеломленно и испуганно она покосилась на него, отпила немного. Зажмурилась, сделала еще глоток. Вот так, крошка. Похоже, Курлову не приходилось тут особо надрываться. Денис одним глотком влил в себя водку, сначала ничего не почувствовал, потом вдруг — обожгло. Курлов не допил эту бутылку, теперь он, Денис, допивает. Прекрасно. Бешенство — болезнь заразная. Вот мы и продолжим, с того самого места... Денис налил еще. Выпил. Валерия вдруг слетела с его колен, будто от удара, упала на пол.

Нет, все правильно. Он ее ударил. Она лежала на коричнево-серых квадратах линолеума, поджав оголившиеся ноги, пряча лицо в ладонях. На ногах, на внутренней части бедер — тоже синяки, чуть пожелтевшие по краям. «Мурло», — мрачно подумал Денис. Он встал, сбросил пиджак. Потом наклонился над ней, рванул в стороны халат. Выскочили маленькие округлые груди с розовыми сосками, внизу курчавился густой лобок.

Он перевел взгляд на лицо. На него смотрели испуганные серебристые глаза с тонкими лучиками вокруг темных зрачков.

— Что с тобой, Денис?.. Это не ты... Я не верю...

— Тот Денис сдох,— ответил он.— Кончился. Мурло.

На шее, как раз под скулой, заметил еще один кровоподтек, совсем маленький. Как он раньше его не видел? Это, похоже, засос...

— Ну что ж... А теперь давай знакомиться,— спокойно произнес новый Денис.

Когда залез под душ, желудок еще продолжал судорожно сокращаться, но внутри уже ничего не осталось. Пусто. Среди разноцветных флаконов на полке Денис нашел полоскание для рта. На этикетке нарисован лесной ландыш. Он вылил немного на руку, понюхал. Потом набрал в рот. Долго стоял под струями обжигающе-горячей воды, постепенно приходил в себя. Из-за двери слышался голос Валерии. Денис не реагировал, пока она не начала стучать в дверь.

— Ну что там?

Он выключил душ и вышел, обмотав бедра полотенцем. Валерия успела переодеться в домашние джинсы и рубашку и кое-как припудрить опухшие веки.

— Тебя к телефону,— сказала она.— С работы, наверное. Срочно.

— О черт!..

В следующий миг он оказался у аппарата.

— Петровский на связи!

— Лейтенант Климов,— представился дежурный.— Труп в Первомайском парке, огнестрел. Группа уже на месте, ждем прокурорского следователя.

Денис неожиданно для себя громко сглотнул.

— Погоди, погоди... Сегодня же Лопатко дежурит! — вспомнил он.— И где вы добыли этот номер телефона? Кто сказал?

— Так мы же милиция,— попытался пошутить дежурный. Но шутка наткнулась на стену непонимания. Помолчав, он добавил: — Матушка ваша помогла, мы звонили домой...

«Вот спасибо, ма, за помощь! Сказала бы: нет его, и где — не знаю!»

— ...А Лопатко на другом происшествии: женщину нашли на Южном шоссе голую... Прокурор приказал вас поднимать...

«Чтоб вы все сдохли, и прокурор в том числе!»

— Понял, — вслух сказал Денис. — Машина есть? Записывай адрес...

Одевшись, он прошел в кухню, на полу блестел влажный след от тряпки — там его вырвало четверть часа назад. Переступил через пятно, забрал со стола сигареты. Во рту опять замаячил резкий привкус блевотины. Интересно, как бы разговаривал с ним этот веселый дежурный, узнай он, что следователь Денис Петровский и есть тот самый человек, который заделал труп в Первомайке?

Валерия поджидала его у двери, зябко обнимая себя за плечи. Она, похоже, приободрилась. Наверное, считает, что искупила свою вину.

— Надолго? Когда вернешься?

Денис отпер дверь и вышел, даже не глянув в ее сторону. Распаренное лицо сразу стянулось морозцем. По пустынной улице подкатила серая убитая «Волга», и он привычно плюхнулся на скрипучее сиденье.

— Вас ждут, — сказал невыспавшийся водитель с ядовитой сигаретой во рту. И сочувственно потянул носом. Наверное, ему было неловко в два часа ночи вытаскивать человека из домашнего отдыха. И хотя водитель оперативной машины в этом не виноват, ему хотелось как-то оправдаться.

— Там такой здоровый трупешник, а в нем дырок десять, как решето!

«Пять дырок, самое большее!»

Денис поймал себя на мысли, что чуть не произнес это вслух. Черт! Веселенькая картина: убийца в роли следователя! Надо быть начеку, контролировать слова, жесты, взгляды... Когда-то он читал, что при приближении убийцы раны убитого начинают кровоточить... Да, кажется в книжке про Тома Сойера. Насколько это верно? Часто писательский вымысел основывается на реальных фактах или поверьях...

Посередине темного парка светили фары машины и карманные фонари, с непонятной на первый взгляд целесооб-

разностью толклись какие-то люди, большинство из которых Денис знал — если не по именам, то по фамилиям, а на крайний случай по должностям и лицам.

...Вечером накануне прошел небольшой дождь, к ночи подморозило, и вмерзшее в осеннюю грязь тело с немалым трудом перевернули на спину. Лица понятых — коренастого парня в ветровке и его девушки — заметно побледнели. Парень попытался бодро хмыкнуть: пожили, видали, — но наружу вырвался короткий писк. Он полез в карман за сигаретой.

Мертвый Курлов выглядел немногим хуже живого Курлова. Как влипился тогда в землю после первого выстрела, так и застыл: плоский рыбий взгляд, задранная губа приоткрывала зубы, лицо с вдавленной левой щекой потеряло симметричность, руки подняты вверх. Неестественная поза, как у перемороженных судаков на витрине рыбного отдела. И выражение лица такое же. Неестественное. Никакое.

— Кто обнаружил тело? — одеревеневшими губами спросил Денис.

Парень в ветровке поднял голову.

— Я... Мы идем с занятий... Он лежит. Пьяный, думаю... Ленка говорит: смотри, под ним... Лед красный...

«Какие могут быть занятия в два ночи? — пронеслось у Дениса в голове. — С блядок, наверное, рулили. И шли бы себе спокойно мимо, а не зырили по сторонам!»

— Ничего больше не заметили? Что-нибудь подозрительное?

Парень отрицательно покрутил головой. Его подруга закивала. Они смущенно посмотрели друг на друга, потом парень сказал:

— А, ну... Старикан этот. Бомж... Крутился тут неподалеку. Бутылки искал, что ли...

— Да вот он. — Милицейский опер Рудько — верткий парень с простецким лицом и в простецкой же одежде, показав на доходягу в болоньевой куртке, который грыз ногти, забравшись с ногами на скамейку. — Видно, хотел карманы обшарить!

— Чего? — каркнул бомж. — Ничего я не хотел. А видать — видал, ну.. Он как выстрелил, это... И другой — очередью, у меня над головой прям... И этот упал и вон лежит как лежал, я его не трогал, ну. А тот вон там стоял!..

Он ткнул пальцем в сторону цементного памятника советским колхозникам, где уже работали кинолог с собакой и неторопливо вышагивал эксперт-криминалист. «Чтоб ты сдох, зараза», — пожелал Денис доходяге. И откуда он тут взялся?!

— И что? — спросил он. — Куда пошел второй?

— Ну пошел и пошел, я откедова знаю... Вон туда.

Рука махнула в противоположную от памятника сторону. Все правильно, именно туда Денис и направился. Его прошиб пот, ноги стали ватными. *Черт, он все видел.*

— А как выглядел? — подключился Рудько.

— Ну такой... Высокий, ну, по типу... это... — Доходяга повертел пальцами, прицелился взглядом в опера, отвернулся: не то. Посмотрел на Дениса. — Ну.. примерно по типу его такой. Тож длинный, без шапки.

— Хорошо, с вами еще поговорим, — пробормотал Денис, отвернувшись к судмедэксперту. Это был Михалев — молодой парень, его ровесник. — Что у тебя?

— Четыре огнестрельных, — произнес тот. — В жизненно важные органы. Смерть наступила мгновенно.

От неопытности он использовал правильные, но неестественно звучащие в устной речи обороты. Однако следователь-ровесник его не слушал.

Денис как зачарованный уставился на распростертое тело Курлова. Грудь, грудь, плечо, живот. А в пятый раз он, оказывается, промахнулся. Ах ты сука, Курлов. Ах ты тварь...

— Бомж, не бомж... — вслух рассуждал Рудько. — Вроде и бомж. Да толстый больно. И зубы хорошие.

— Осматривал? — поднял голову Денис. Он подумал, что Рудько сам похож на бомжа.

— Не. Медицина смотрела, судмедэксперт то есть. А я пока этого пас... — Рудько показал на настоящего бомжа.

— Обыскал его?

— Пара окурков. Ничего интересного.

Денис обошел тело. Мысленно сосчитал: раз, два, три. В горле булькнуло и замолчало, угомонилось. Он знаком пригласил к себе понятых, стал механически обыскивать труп. Пальцы дергались и дрожали. Какой-то такой сюрприз у тебя припасен, сука Курлов?.. Табачный сор, пятьдесят рублей одной купюрой. Хорошо, молодцом. Зажигалка, полупустая пачка «Явы», спичечный коробок с двумя «моргаликами», сложенная вчетверо бумажка... Телефоны, адреса, посмертное послание? Рядом нарисовался Рудько, заинтересованно склонился рядом.

— Что-то есть?

«А твое какое дело, топай отсюда»...

Денис развернул бумажку. *«Петровский, мент, падло, застрелил меня из пистолета вчера вечером»*... Нет, обычный лист в клеточку. Пустой. Ни слова. Для подтирки, наверное, держал. Денис скинул находки в пакет.

Что ж... Не хватало только одной вещи. Очень важной. Неужели доходяга спер? Нет, он вылетел из руки куда-то вправо...

Бурые пятна на куртке Курлова словно магнитом притягивали взгляд. Свежая кровь ярко-алым пузырем вспухла над оледеневшей коркой, брызнула наружу.. Денис сжал дрожащие пальцы в кулак.

Ничего нет. Никакой крови, никаких дурацких поверий. Хватит. Не о том надо думать.

Он прошелся вдоль кустов неподалеку от места, где лежал Курлов. Опавшие листья здесь еще были покрыты девственно-белым налетом инея, похоже, никто не успел наследить. Денис раздвинул ветви, перешагнул через завалившуюся на бок урну. И почти сразу нашел то, что искал.

— Попрошу понятых сюда...

Среди пожухлых листьев лежало оружие Курлова — крупнокалиберный бельгийский браунинг с длинным, изрядно потертым кожухом затвора. Он поднял его палоч-